

Е. А. Поцелуев

*кандидат исторических наук, доцент
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Ивановский государственный университет, г. Иваново, Российская Федерация*

Е. А. Белин

*магистрант
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
г. Нижний Новгород, Российская Федерация*

ПРАВОВАЯ ФИКЦИЯ КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Аннотация. В статье анализируется юридическая категория «правовая фикция», ее этимология, соотношение с такими понятиями как «фикция», «фиктивное правовое состояние», «аналогия» и «отсылка». Авторы понимают правовую фикцию как прием юридической техники (правотворческой и правоприменительной) и норму права, сознательно закрепленную законодателем в нормативных правовых актах различных стран, начиная от древности и заканчивая сегодняшним днем. Правовые фикции выдержали проверку временем и доказали свою необходимость, незаменимость и эффективность как для потребностей рынка, всего общества и его отдельных институтов (семьи), гуманизации и разумности (рациональности) законодательства и юридической практики. Современная отечественная теория права различает такие понятия как «правовая фикция» (то, что оправдано и необходимо обществу, государству, отдельным социальным группам и конкретным индивидам), «фикции в праве» (связано с дефектностью законодательства, ошибками законодателя и т.п.) и фиктивные состояния (фиктивный брак, фиктивное банкротство, т.е. с негативными явлениями, противоправными деяниями), а тем более с такими категориями как «правовые презумпции», «аналогия закона», «аналогия права», «отсылка», «юридические коллизии» и др.

Ключевые слова: правовая фикция, фиктивное правовое состояние, прием юридической техники, норма права, аналогия права, аналогия закона, отсылка, юридическая категория.

E. L. Potseluev

*Candidate of historical sciences, associate professor
Head of the department of Theory and History of State and Law
Ivanovo State University, Ivanovo, the Russian Federation*

E. A. Belin

*Master student
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, the Russian Federation*

THE LEGAL FICTION AS A LAW CATEGORY

Abstract. The article analyzes the law category "legal fiction", its etymology, correlation with such concepts as "fiction", "fictitious legal status", "analogy" and "reference". The authors understand the legal fiction as the method of legal technique (law making and law enforcement) and the norm of law, deliberately stated by the legislator in the normative legal acts of different countries from antiquity to today. Legal fictions have withstood the checking by the time and proved their necessity, indispensability and effectiveness for the needs of the market, the whole society and its individual institutions (family), humanization and rationality of legislation and legal practice. Modern domestic theory of law distinguishes such terms as "legal fiction" (what is justified and necessary for society, the state, individual social groups and specific individuals), "fictions in law" (due to the defectiveness of legislation, the errors of the legislator, etc.) and fictitious legal status (fictitious marriage, fictitious bankruptcy, i.e. negative phenomena, illegal acts),

and especially with such categories as "legal presumptions", "analogy of the act", "analogy of law", "reference", "legal collisions", etc.

Key words: legal fiction, fictitious legal status, method of legal technique, norm of law, analogy of law, analogy of the act, reference, law category.

На современном этапе развития российской правовой системы не приходится отрицать значимость правовых фикций, они являются собой абсолютно незаменимый инструмент правотворческой техники и необходимы с точки зрения законодательства. Существование фикций в настоящее время оправдывается, в первую очередь, тем же аргументом, что послужил причиной формирования фикций в римском праве: они необходимы для эффективного правового регулирования общественных отношений. Поэтому их изучение представляет как академический, так и прикладной интерес.

Актуальность данной работы обуславливается тем, что невзирая на очевидность того факта, что фикции являются собой неотъемлемый элемент современной правовой системы, в теории до сих пор остается неразрешенным ряд вопросов. В частности, не находит четкого разрешения проблема, связанная со смысловой нагрузкой, которой различные авторы наделяют термины «фикция», «правовая фикция» (не ясно, стоит ли включать в одну группу с понятием «правовая фикция» такие понятия как, например, «фиктивный брак», «фиктивное банкротство» и т.п.), что приводит к смешению разных смысловых пластов данного полисемантического понятия. «Сложно отыскать проблему, которая вызывала бы столь противоречивые мнения, долгие споры, неоднозначные оценки, как проблема фикций в праве», - констатирует специалист по данной теме О.А. Курсова [13, с. 450].

Целью данной работы является выработка подхода к определению понятия «правовая фикция», определение тех «смысловых границ», которых авторам необходимо придерживаться при работе с этой юридической категорией и юридическим понятием и его производными, что необходимо для недопущения семантических наложений и последующего искажения в восприятии.

В соответствии с обозначенными целями необходимо решить следующие задачи: изучить различные подходы к определению понятия «правовая фикция», обозначить четкие смысловые границы данной категории.

Объектом исследования выступает совокупность общественных отношений, возникновение, изменение и развитие которых обусловлено существованием правовых фикций, предметом - правовая фикция как юридическая категория.

Отдельные аспекты выбранной нами темы глубоко проанализированы в научных работах таких ученых как Р. Иеринг [10], Д.И. Мейер [17], Г.Ф. Дормидонтов [7; 8], К.К. Панько [20; 21; 22, с. 459-470], О.А. Курсова [12; 13, с. 45-459], Л.А. Душакова [9], Н.А. Никиташина [18], Р.К. Лотфуллин [15; 16, с. 7], О.В. Танимов [25, с. 15-16], М.А. Давыдова [3; 4; 5, с. 17-23], А.М. Ширвиндт [25], С.Н. Болдырев [1, с. 124-128] и др.

Методологическая база работы строится как на общенаучных методах (анализ и синтез, исторический метод), так и на специально-юридических (формально-юридический метод).

Поскольку юридическая фикция, в первую очередь, представляет собой общетеоретическую категорию, законодательного определения данного понятия мы не найдем, поэтому следует анализировать позиции ученых по данному вопросу.

В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова фикция определяется как намеренно созданное, измышленное положение, построение, не соответствующее действительности и обычно используемое с какой-нибудь определенной целью [19, с. 783].

Стоит отметить, что попытки дать научное определение правовой фикции предпринимались еще дореволюционными учеными-правоведами. Так, Д.И. Мейер давал следующее определение фикции – вымышленное существование факта,

о котором известно, что он вовсе не существует или существует в другом виде [17, с. 2].

Знаменитый русский правовед Г.Ф. Дормидонтов писал: «Соединяя со словом «фикция» представление о вымысле, о заведомой лжи, простой смертный, не посвященный в таинства юриспруденции ... легко и невольно может прийти в смущение. Его испугает не то, что кругом него довольно много людей с фиктивным состоянием, людей, заключающих фиктивные сделки и даже фиктивные браки с разными позволительными и непозволительными целями: к этому он легко привыкает и относится к таким явлениям более или менее спокойно. Но невольно ему может стать страшно при мысли, что фикция, т.е., по его мнению, заведомая ложь, пускается нередко в ход специалистами в области права...» [7]. Он подмечал весьма важный момент, что при определении понятия фикция необходимо чувствовать грань между общесоциальным значением данного слова и его производных и юридическим смыслом [7]. Как отмечает в своей диссертации А.М. Ширвиндт, подобные ошибки (смещение различных смыслов категории «фикция») допускали и немецкие правоведы. Так, Ф. Прингсхайм говорил о делении фикций на «скрывающие, утаивающие» и «явные», при этом под первыми подразумевались такие порождения практики как фиктивные сделки и т.п., а под вторыми понимался применимый законодателем правовой инструмент. Данная позиция всячески критиковалась, поскольку для всех форм фикции в равной мере свойственно сознательное (а не основанное на обмане, заблуждении) сообщение одному факту значения другого [27, с. 15-16]. Также Г.Ф. Дормидонтовым было подмечено, что затруднения относительно точной научной терминологии имеют свою причину в том, что те явления юридического быта, к которым с большим или меньшим правом применяют в разговорном и даже литературном языке термины «фикция», «фиктивный», «вымышленный», весьма многочисленны, разнообразны по своей сущности и по вызываемым ими последствиям, нося часто лишь весьма отдаленные черты сходства [7], именно поэтому он определял фикцию в широком и узком смысле.

Под фикцией в широком смысле автор понимает все те явления юридического быта, которые справедливо и несправедливо обозначаются этим словом и производным от него прилагательным, а равно близкими ему по значению словами: «вымышленный», «мнимый», «притворный» и т.п. [7]. Считаем возможным отметить, что все-таки подобную формулировку нельзя назвать определением правовой фикции в широком смысле, это есть, на наш взгляд, описание границ фикции как некоей всеохватывающей родовой категории. Давая более точное определение, то есть следуя узкому смысловому подходу, Г.Ф. Дормидонтов говорит о фикции как об известном приеме мышления, состоящем в допущении существующим известного несуществующего обстоятельства или, наоборот, несуществующим существующего, в решении задачи при помощи ложного положения, выходя через это на определение фикции в истинно юридическом смысле как того же приема, но допускаемого и даже предписываемого в известном случае объективным правом [7].

Р.К. Лотфуллин определяет фикцию как особое средство юридической техники, условно признающей заведомо ложного положения истиной, возможность опровержения которой, как правило, не имеет никакого юридического значения [16, с. 6].

В.В. Лазарев и С.В. Липень говорят о фикциях как о разновидности юридических фактов и определяют их как несуществующее явление или событие, признаваемое в установленных юридических процедурах существующим [14, с. 348]. Позволим себе не согласиться с данной позицией, поскольку видится более обоснованным понимать под фикцией прием юридической техники, некий прием правоприменения, санкционируемый нормой закона, посредством воздействия которого на общественные отношения возникают особые юридические факты,

несущие в себе черты такого воздействия (возможно, существующее признается несуществующим, или наоборот).

Н.И. Матузов под фикцией понимает особый прием, который заключается в том, что действительность подводится под некую формулу, ей не соответствующую или даже вообще ничего общего с ней не имеющую, чтобы затем из этой формулы сделать определенные выводы. Он также отмечает необходимость фикций для практических нужд [26, с. 372].

М. А. Давыдова отмечает, что юристам свойственно говорить о фикциях в трех смыслах:

- фикция в праве. Это понятие носит негативную смысловую окраску и обозначает такие ситуации в правотворчестве или правореализации, когда законы не соответствуют регулируемым общественным отношениям, а правоприменительная практика не соответствует законам;

- фиктивное правовое состояние. Эти явления носят юридический характер, регулируются законом, их существование признается правом, хотя и оценивается чаще всего негативно (фиктивная сделка, фиктивный брак, фиктивное банкротство и т. п.);

- правовая фикция как прием (средство) юридической техники. Они представляют собой специфические правовые положения, с помощью которых конструируется несуществующая условная правовая реальность. Данные явления, будучи абсолютным вымыслом, не только существуют с юридической точки зрения, но и являются необходимыми элементами механизма правового регулирования [5, с. 17-18].

Известный эксперт по проблеме юридических фикций в отечественном праве К.К. Панько включает в систему правовых фикций: «Во-первых, традиционные, предусмотренные действующим законодательством и изучаемые правовой наукой фикции (например, институт снятия судимости и т.д.). Во-вторых, фикции в праве, когда один закон противоречит другому (война законов в широком спектре данной метафоры). В-третьих, исследование любых фикций (в том числе и не включенных в систему действующего законодательства) методами права» [22, с. 466]. По нашему мнению, второй вариант отношения к правовым фикциям не имеет, поскольку здесь налицо юридические коллизии.

В.И. Каминская определяет фикцию как юридический прием, при помощи которого истинным объявляется положение, которое заведомо истине никогда не соответствует [1, с. 125]. Думается, что нельзя согласиться с такой категоричной позицией, поскольку, например, когда суд в установленном законом порядке признает гражданина умершим, применяя тем самым общеизвестную фикцию, мы не можем утверждать, что этот гражданин на самом деле все еще жив, то есть положение о смерти гражданина, объявленное судом истинным, может быть таковым и по факту. С другой стороны, при усыновлении (удочерении) не биологические родители становятся родителями в правовом смысле. Судимость погашается, хотя лицо было осуждено – это еще один яркий и убедительный пример фикции как вымысла, узаконенного нормами права.

Полагаем, что следует согласиться с известным специалистом по различным аспектам юридической техники М.А. Давыдовой, которая выделяет социальную (мы бы назвали ее фактической, поскольку речь идет о юридических фактах) и юридическую стороны правовой фикции. По ее мнению, социальная сторона представлена определенными предположениями, степень вероятности которых «может колебаться от достаточной высокой (например, снижение общественной опасности правонарушителя и совершенного им деяния по прошествии длительного срока – срока давности привлечения к ответственности) до крайне незначительной (например, вероятность того, что лицо умерло в день вступления в законную силу решения суда о признании его умершим)». Действительно, правовые фикции всегда имеют рациональное обоснование, «логическое объяснение с точки

зрения целесообразности, справедливости, гуманизма и т.п. Аргументация, положенная в основу правовой фикции, и составляет ее социальную сторону» [6, с. 264-265]. Автор, на наш взгляд, противоречит сам себе: поскольку предположения и аргументация не синонимы.

Юридическая сторона правовой фикции, по мнению М.Л. Давыдовой, выражена императивным правовым велением, не допускающим опровержения [6, с. 265]. Видимо, опровержимой может быть только социальная сторона, поскольку суд может признать человека умершим, который, на самом деле, окажется живым.

Отдельного внимания заслуживает точка зрения И.А. Исаева, который характеризует правовые фикции как инструмент устранения пробельности в законодательстве. Автор пишет: «Представляется, что юридическая фикция может выступать в качестве одного из способов эффективного заполнения пробелов в законодательстве. Как правило, это происходит в условиях, когда законодатель не готов или не желает непосредственным образом устранить правовую лакуну» [11].

Видится возможным не согласиться с данным подходом. В российском праве ныне достаточно норм, содержащих в себе фикции, санкционирующих применение фикции как правоприменительного приема. Например, в ст. 45 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) содержатся положения о признании гражданина умершим [2; 23; 24]. На наш взгляд, можно говорить не о закреплённости фикции в норме, а о санкционировании нормой применения фикции при наличии определенных условий. На примере данной нормы мы видим, что гражданин может быть признан умершим, если в месте его жительства нет сведений о месте его пребывания в течение пяти лет, а если он пропал без вести при обстоятельствах, угрожавших смертью или дающих основание предполагать его гибель от определенного несчастного случая, - в течение шести месяцев (налицо условия – отсутствие сведений о месте пребывания гражданина в месте его жительства в течение пяти лет или шести месяцев, при которых суд в установленном порядке может применить фикцию и признать лицо умершим, потенциально исказив тем самым объективные обстоятельства, ибо гражданин может все это время оставаться живым). В п. 3 ст. 157 ГК РФ закреплена нормы, в соответствии с которой, если наступлению условия недобросовестно воспрепятствовала сторона, которой наступление условия невыгодно, то условие признается наступившим. Если наступлению условия недобросовестно содействовала сторона, которой наступление условия выгодно, то условие признается ненаступившим. В данном случае мы видим «модифицированный» вариант древнеримской фикции «*receptum est, quotiens per eum, cuius interest condicionem non impleri, fit, quo minus impleatur, ut perinde habeatur, ac si impleta condicio fuisset*» - если тот, кто не заинтересован в наступлении условия, воспрепятствует его наступлению, оно считается как бы наступившим [16]. Здесь мы так же видим условия, при которых возможно применение указанной фикции. Но разве можно при этом говорить, что данные нормы, фикции, содержащиеся в них и санкционируемые ими, являются инструментом устранения пробельности закона? Думается, что нет.

Для ликвидации пробелов в законодательстве требуется работа законодателя, а для преодоления пробелов в праве, как известно, применяется аналогия закона, а если это невозможно, то аналогия права, там, где это не запрещено нормами права. Можно солидаризироваться с позицией А.М. Ширвиндта, указывающего, что понятие фикции следует корректно согласовать, в частности, с понятиями аналогии и отсылки. Алгоритмы фикции и аналогии объединяет последний этап – применение к данному фактическому составу нормы более высокого уровня абстракции, охватывающей как «старый», прямо предусмотренный позитивным правом, так и «новый» случай [27, с. 13]. Принципиальное же различие обнаруживается, как считает Э. Бунд, на первом этапе: если аналогия позволяет получить искомую более общую, более абстрактную норму путем индукции,

допустимость которой определяется подобием «старого» и «нового» составов, то фикция «сознательно отказывается от логической когерентности», «произвольно» «уравнивая неравное». В отличие от аналогии, фикция не является настоящим аргументом, не основывается на обнаружении сходства, значимого для принятия решения. Отсылка выступает одной из основных функций этого приема. Отсылка может достигаться и иными средствами [27, с. 13].

Резюмируя вышеизложенное, видится возможным утверждать, что на нынешнем этапе развития российского права и юридической науки, говоря о правовых фикциях, стоит придерживаться исключительно узкого подхода, в том аспекте, что необходимо разграничивать общеупотребительный смысл данного слова и его производных и специально-юридический. Необходимо понимать, что, невзирая на наличие юридической нагрузки, например, в сочетании «фиктивное банкротство» смысл слова «фиктивное» в рамках данного термина отличен от смысла слова «фикция» в сочетании «правовая фикция», в случае с банкротством слово «фиктивное» употребляется для предания негативной окраски явлению, такая же ситуация складывается и с понятием «фиктивный брак».

В рамках узкого подхода к определению понятия «правовая фикция» такую мы можем понимать, как некоторый прием юридической техники (закрепление фикций и условий их применения в нормах права), возможно, как некий правоприменительный прием (приложение фикции правоприменителем к существующим общественным отношениям, при наличии описанных в соответствующей норме права условий в целях юридического «искажения» реальных обстоятельств в целях содействия нормальному развитию гражданского оборота или адекватного регулирования иных общественных отношений). Также в рамках узкого подхода под правовой фикцией можно понимать норму права, в которой конкретная фикция нашла закрепление (но опять же нужно отличать такие нормы права от норм, которые называют фиктивными, характеризуя их как неработающие). Кроме того, следует уяснить соотношение категорий «фикция» и «аналогия».

Таким образом, «правовая фикция» (в аспекте необходимости разграничения общеупотребительного и специально-юридического смыслов термина фикция и его производных) сохраняет свою полисемантическую и является одновременно и приемом юридической техники, и правовой нормой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болдырев С.Н. Фикция как юридико-технический прием / С.Н. Болдырев // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. — 2011. — № 4. — С. 124–128.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 28.03.2017) / Правовой Сервер КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 18.10.2017).
3. Давыдова М.А. Общетеоретический и прикладной подходы к преподаванию юридической техники: преимущества и проблема совместимости / М.А. Давыдова // Юридическая техника. Специальный выпуск. Юридическая техника в системе вузовской подготовки правоведов: научно-методическое обеспечение и дидактические пути его совершенствования (Нижний Новгород). — 2009. — № 3. — С. 155–160.
4. Давыдова М.А. Правовые фикции как средства юридической техники (примерная лекция по курсу «Юридическая техника») / М.А. Давыдова // Право и образование. — 2009. — № 3. — С. 143–151.
5. Давыдова М.А. Проблемы понятия и классификации правовых фикций / М.А. Давыдова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. — 2009. — № 11. — С. 17–23.
6. Давыдова М.А. Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография / М.А. Давыдова. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. — 318 с.

7. Дормидонтов Г.Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Часть первая. Юридические фикции и презумпции (часть первая) / Г.Ф. Дормидонтов // Вестник гражданского права. — 2011. — № 1. — С. 217–269.
8. Дормидонтов Г.Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Часть первая. Юридические фикции и презумпции (часть вторая) / Г.Ф. Дормидонтов // Вестник гражданского права. — 2011. — № 3. — С. 168–240.
9. Душакова Л.А. Правовые фикции: автореф. дисс. канд. юрид. наук. 12.00.01 / Л.А. Душакова. — Волгоград, 2004. — 25 с.
10. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития / Р. Иеринг. — СПб. : Тип. В. Безобразова и Ко, 1875. — 321 с.
11. Исаев И.А. Юридическая фикция как форма заполнения правовых пробелов / И.А. Исаев // История государства и права. — 2011. — № 22. — С. 2–4.
12. Курсова О.А. Фикции в российском праве : дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / О.А. Курсова. — Н. Новгород, 2001. — 193 с.
13. Курсова О.А. Юридические фикции современного российского права: сущность, виды, проблемы действия / О.А. Курсова // Проблемы юридической техники. Сб. ст. под ред. В.М. Баранова (Нижегородская академия МВД РФ). — Н. Новгород, 2000. — С. 450–459.
14. Лазарев В.В. Теория государства и права: учебник для академ. бакалавр. / В.В. Лазарев, С.В. Липень. — М.: Юрайт, 2015. — 521 с.
15. Лотфуллин Р.К. Юридические фикции в гражданском праве : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. 12.00.03 / Р.К. Лотфуллин. — М., 2008. — 30 с.
16. Лотфуллин Р.К. Юридические фикции в римском гражданском праве / Р.К. Лотфуллин // Бюллетень нотариальной практики. — 2006. — № 2. — С. 44–48.
17. Мейер Д.И. О юридических вымыслах и предположениях, скрытых и притворных действиях / Д.И. Мейер. — Казань. 1854. — 127 с.
18. Никиташина Н.А. Юридические предположения в механизме правового регулирования (правовые презумпции и фикции): дисс. ... канд. юрид. наук. 12.00.01 / Н.А. Никиташина. — Абакан, 2004. — 185 с.
19. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. — М. : Русский язык, 1978. — 846 с.
20. Панько К.К. Фикции в уголовном праве (в сфере законотворчества и правоприменения) : автореф. дисс. канд. юрид. наук: 12.00.08, 12.00.09 / К.К. Панько. — Воронеж, 1998. — 19 с.
21. Панько К.К. Фикции в уголовном праве и правоприменении / К.К. Панько. Воронеж: Истоки, 1998. — 135 с.
22. Панько К.К. Юридические фикции в современном российском праве / К.К. Панько // Проблемы юридической техники. Сб. ст. под ред. В.М. Баранова (Нижегородская академия МВД РФ). — Н. Новгород, 2000. — С. 459–470.
23. Романовская О.В. Правовые основы использования тела, органов и тканей умершего человека // Менеджер здравоохранения. — 2013. — № 10. — С. 65–70.
24. Романовский Г.Б. Момент смерти как юридическая фикция // Эксперт-криминалист. — 2006. — № 1. — С. 41–47.
25. Танимов О.В. Система юридических фикций в современном российском праве / О.В. Танимов // Вестник Российской правовой академии. — 2007. — № 1. — С. 13–16.
26. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. — М. : Норма: ИНФРА-М., 2016. — 640 с.
27. Ширвиндт А.М. Значение фикции в римском праве: дисс. ... канд. юрид. наук. 12.00.01 / А.М. Ширвиндт. — М., 2011. — 306 с.

REFERENCES

1. Boldyrev S.N. Fiction as a legal – technique. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Khetagurova = Bulletin of North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*, 2011, no. 4, pp. 127–130 (in Russian).

2. *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 28.03.2017)* (The Civil Code of the Russian Federation (part one) from 26.01.1996 no. 14-FZ (an edition from 28.03.2017)). Available at: <http://www.consultant.ru/> (accessed 18.10.2017).

3. Davydova M.L. *Obshcheteoreticheskii i prikladnoi podkhody k prepodavaniuu iuridicheskoi tekhniki: preimushchestva i problema sovместimosti* [General-theoretical and applied approaches to teaching the legal equipment: advantages and problem of compatibility]. Iuridicheskaya tekhnika. Spetsial'nyi vypusk. Iuridicheskaya tekhnika v sisteme vuzovskoi podgotovki pravovedov: nauchno-metodicheskoe obespechenie i didakticheskie puti ego sovershenstvovaniia (Nizhnii Novgorod) [Legal equipment. Special release. The legal equipment in the system of high school training of jurists: scientific and methodical providing and didactic ways of his improvement (Nizhniy Novgorod)], 2009, no. 3, pp. 155–160.

4. Davydova M.L. Legal fictions as means of the legal equipment (approximate lecture on the course "Legal Equipment"). *Pravo i obrazovanie = Law and education*, 2009, № 3, pp. 143–151 (in Russian).

5. Davydova M.L. Problems of a concept and classification of legal fictions. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Iurisprudentsiia = Bulletin of the Volgograd state university. Series 5: Law*, 2009, no. 11, pp. 17–23 (in Russian).

6. Davydova M.L. *Iuridicheskaya tekhnika: problemy teorii i metodologii: monografiya* [Legal equipment: problems of the theory and methodology: monograph]. Volgograd, VolGU Publ., 2009, 318 p.

7. Dormidontov G.F. Classification of the phenomena of legal life carried to cases of application of fictions. Part one. Legal fictions and presumptions (part one). *Vestnik grazhdanskogo prava = Civil Law Review*, 2011, no. 1, pp. 217–269 (in Russian).

8. Dormidontov G.F. Klassifikatsiia iavlenii iuridicheskogo byta, odnosimykh k sluchaiam primeneniia fiktsii. Chast' pervaya. Iuridicheskie fiktsii i prezumptsii (part tue). *Vestnik grazhdanskogo prava = Civil Law Review*, 2011, no. 3, pp. 168–240 (in Russian).

9. Dushakova L.A. *Pravovye fiktsii: avtoref. diss. kand. iurid. nauk. 12.00.01* [Legal fictions: abstract diss. of cand. of law]. Volgograd, 2004, 25 p.

10. Iering R. *Dukh rimskogo prava na razlichnykh stupeniakh ego razvitiia* [Spirit of the Roman right at various steps of his development]. Saint Petersburg, Tip. V. Bezobrazova i Ko Publ., 1875, 321 p.

11. Isaev I.A. Legal fiction as form of filling of legal gaps. *Istoriia gosudarstva i prava = History of State and Law*, 2011, no. 22, pp. 2–4 (in Russian).

12. Kursova O.A. *Fiktsii v rossiiskom prave: diss. kand. iurid. nauk: 12.00.01* [Fiction in Russian law: diss. of cand. of law]. Nizhniy Novgorod, 2001, 193 p.

13. Kursova O.A. *Iuridicheskie fiktsii sovremennogo rossiiskogo prava: sushchnost', vidy, problemy deistviia* [Legal fictions of modern Russian law: essence, types, action problems] *Problemy iuridicheskoi tekhniki. Sb. st. (Nizhegorodskaya akademiya MVD RF)*. [Problems of the legal equipment. Collection of articles]. Nizhniy Novgorod, 2000, pp. 450–459 (in Russian).

14. Lazarev V.V., Lipen' S.V. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlia akadem. bakalavr.* [Theory of the state and right: the textbook]. Moscow, Iurait Publ., 2015, 521 p.

15. Lotfullin R.K. *Iuridicheskie fiktsii v grazhdanskom prave : avtoref. diss. kand. iurid. nauk. 12.00.03* [Legal fictions in civil law: abstract diss. of cand. of law]. Moscow, 2008, 30 p.

16. Lotfullin R.K. Legal fictions in the Roman civil law. *Bulleten' notarial'noi praktiki = Bulletin Of Notary Practice*, 2006, no. 2, pp. 44–48 (in Russian).

17. Meier D.I. *O iuridicheskikh vymyslakh i predpolozheniiakh, skrytnykh i pritvor-nykh deistviakh* [About legal fictions and the assumptions, reserved and feigned actions]. Kazan', 1854, 127 p.

18. Nikitashina N.A. Iuridicheskie predpolozheniia v mekhanizme pravovogo regulirovaniia (pravovye prezumptsii i fiktsii): diss. kand. iurid. nauk. 12.00.01 [The legal assumptions in the mechanism of legal regulation (legal presumptions and fictions): diss. of cand. of law]. Abakan, 2004, 185 p.

19. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of Russian language]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1978, 846 p.

20. Pan'ko K.K. *Fiktsii v ugovnom prave (v sfere zakonotvorchestva i pravoprimeneniia): avtoref. diss. kand. iurid. nauk: 12.00.08, 12.00.09* [Fictions in criminal law (in the sphere of lawmaking and law enforcement): abstract of cand. of law]. Voronezh, 1998, 19 p.

21. Pan'ko K.K. *Fiktsii v ugovnom prave i pravoprimenenii* [Fictions in criminal law and law enforcement]. Voronezh, Istoki Publ., 1998, 135 p.

22. Pan'ko K.K. *Iuridicheskie fiktsii v sovremennom rossiiskom prave* [Legal fictions in modern Russian law] *Problemy iuridicheskoi tekhniki. Sb. st. (Nizhegorodskaiia akademiia MVD RF)* [Problems of the legal equipment. Collection of articles]. Nizhniy Novgorod, 2000, pp. 459–470.

23. Romanovskaya O.V. Legal framework of the body, organs and tissue deceased person. *Menedzher zdavookhraneniia = Manager of Health Care*, 2013, no. 10, pp. 65–70 (in Russian).

24. Romanovsky G.B. Death moment as legal fiction. *Ekspert-kriminalist = Expert-Criminalist*, 2006, no. 1, pp. 41–47 (in Russian).

25. Tanimov O.V. The system of legal fictions in modern Russian law. *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii = Bulletin of the Russian Law Academy*, 2007, no. 1, pp. 13–16 (in Russian).

26. Matuzov N.I. (ed.). Mal'ko A.V. (ed.) *Teoriia gosudarstva i prava: kurs lektsii* [Theory of the state and law: course of lectures]. Moscow, Norma: INFRA-M. Publ., 2016, 640 p.

27. Shirvindt A.M. *Znachenie fiktsii v rimskom prave: diss. kand. iurid. nauk. 12.00.01* [Value of a fiction in the Roman law: diss. of cand. of law.]. Moscow, 2011, 306 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Поцелуев Евгений Леонидович — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Ивановский государственный университет, 153000, г. Иваново, Посадский пер. 8, Российская Федерация, e-mail: elp777@yandex.ru.

Белин Егор Андреевич — магистрант, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина 23, Российская Федерация, e-mail: belinegor@mail.ru.

AUTHORS

Potseluev Evgeniy Leonidovich — Candidate of historical sciences, associate professor Head of the department of Theory and History of State and Law, Ivanovo State University, 8 Posadskiy lane, Ivanovo, 153000, the Russian Federation, e-mail: elp777@yandex.ru.

Belin Egor Andreevich — Master student, Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod, 603950, Nizhniy Novgorod, 23 Gagarina Avenue, the Russian Federation, e-mail: belinegor@mail.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Поцелуев Е.А. Правовая фикция как юридическая категория / Е.А. Поцелуев, Е.А. Белин // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2017. — Т. 5, № 4 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://esj.pnzgu.ru>.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Potseluev E. L., Belin E. A. The legal fiction as a law category. *Electronic scientific journal «Science. Society. State»*, 2017, vol. 5, no. 4, available at: <http://esj.pnzgu.ru> (In Russian).